

ГЛАВА III. СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ КАК ПРООБРАЗ БУДУЩЕГО РОССИИ И МИРА В XXI ВЕКЕ

Часть 1. Сети и сетевое сообщество

Сеть — это антагонист структуре и иерархии, переходное явление, имеющее как природоподобные, социальноподобные, так и технэподобные¹ очертания. Сеть в обществе проявляется тогда, когда в существующей системе нарушается порядок, возникает хаотизация, рушатся иерархические социальные (или любые иные) структуры, появляется структурный вакуум, типичный, скажем, для всех постимперских периодов, а также периодов резкого расширения сообществ и культур, захвата новых территорий, переселения народов, также периодов зарождения и первоначального роста.

Так, например, сеть присутствует всегда при появлении так называемых пассионарных движений, точнее, при исторических толчках пассионарности [14], любых «народных движений», любых новых культур, идейных течений. Сеть имеет место при зарождении всех религий, приобретая в этом процессе четкую идеологию, формообразование и свое внутреннее устройство.

Сеть как таковая исторически всегда была сутью любого переходного периода, любого переходного состояния. Она представляет собой древнейшее, подлинно архаическое состояние человеческого общества, историческим назначением которого всегда было достижение целостности и переходности одновременно. Данное свойство сети связано с тем, что она сама по себе есть переходное состояние между природным и общественным, групповым и лич-

¹ Технэ — термин широкий, по определению Аристотеля, это и архитектура, и врачебное искусство, и математика, и обычные искусства — скульптура, музыка, поэзия. Для античного направления технэ мироздание было организовано как цельное, гармоничное и одушевленное тело космоса. Все было отражением всего, и обученный и понимающий ремесленник создавал свои произведения, от предметов быта до произведений искусства, как отражения великого, упорядоченного и вечного космоса. При этом категории меры, симметрии и красоты базировались на тщательно разработанном учении о числе и числовых структурах.

ностным, духовным и культурным. Сеть, в отличие от любого иного сообщества, обеспечивает гибкость и постоянный обмен между жизнедеятельностью и управлением.

Сети в их современном виде оказывают как созидательное, так и разрушительное воздействие на все без исключения мировые процессы, на судьбу всей цивилизации, что есть неоспоримый признак того, что сеть впервые в истории перестает быть транзитивным состоянием и имеет все шансы превратиться в новую общественную формацию (новое сетевое общество).

Именно поэтому крайне важно различать природу сети, которая не есть неоформленная и несущаяся безумным потоком масса. У нее есть смысловое устройство, напоминающее экосистему и определяющееся двумя важнейшими элементами: специфической сетевой культурой и сетевой ментальностью, которая имеет определяющее влияние на все процессы в сети. К ним относятся устойчивый и постоянный взаимообмен между всеми ячейками или цепочками сети, высокая социальная активность, высокая социальная восприимчивость.

Сеть – сложнейший феномен, где воедино спаяны самые различные исторические и биосоциальные слои от чисто природных, биосферных сетевых систем, архаических сетевых сообществ, информационные и техногенные сети до сетевых систем самого человека – от иммунной и нервной до нейронной сети.

Современные сети, вне зависимости от их локализации и функций, формируют массовые сообщества анонимного типа, причем тяготеющие к открытому варианту самоорганизации, которые имеют ярко выраженную склонность к постоянному обновлению, рекрутированию новых агентов и расширению, в том числе обновлению и расширению предметов своего сетевого интереса.

В этом смысле современные сети напоминают так называемые «умные толпы» со всеми присущими толпам особенностями – тягой к отказу от персонализации, к анонимности, инстинктивности, к некоему коллективному трансу и аморфности. Важнейшим фактором образования таких сетевых сообществ можно считать наличие неких катаклизмов, защита от последствий которых есть главный ментальный, поведенческий и психологический каркас сети, ее смысловая сердцевина.

Поэтому сеть можно считать ситуативной и временной реакцией на асоциальные обстоятельства неодолимой силы, форс-мажор, что превращает сеть в совершенно асоциальное образование. Данный фактор заставляет искать истоки сети в различных необычных процессах и рассматривать саму сеть как некий социальный лимитроф.

Будучи социальным, к тому же анонимным лимитрофом, сеть вынуждена выживать за счет формирования необычайно плотных и устойчивых связей, которые одновременно должны быть достаточно свободными и открытыми. Более того, поддержание данных связей в сетях происходит не за счет переработки агрессии и злости (злость считается идеальным внутригрупповым интегратором), а за счет сотрудничества и кооперации. В этом отношении можно говорить о наличии как статических сетей с более прочными узлами внутреннего взаимодействия (более закрытых), так и динамических сетей с ярко выраженной открытостью и переходностью. В приведенном ниже перечне типов современных сетей оба этих качества присутствуют в самых различных сочетаниях.

1. Современные сети

Среди современных сетей можно выделить четыре вида: природоподобные сети, социоподобные сети, технэподобные сети и сети-медиаторы. Рассмотрим их более подробно.

1.1. Природоподобные сети

Это «рыхлые» сети с однотипными взаимозаменяемыми компонентами. Они способны бесконечно воспроизводить себя, регенерировать нарушенные участки. Это аддитивные анонимные структуры, в математическом смысле представляющие собой множества неотличимых элементов. Свойство «гасить» воздействия на расстоянии немногих шагов от места получения сигнала делает эти сети устойчивыми к «дождям» информационных шумов — сигналы «тонут» в слабосвязанной среде, как волны в вязкой жидкости.

Эти качества хорошо проявлены во всех квазисемейных сообществах, особенно родовых общинах: они весьма устойчивы и статичны, слабо склонны к мутациям, а следовательно, к обновлению.

Но в то же время именно модель устройства этих природоподобных сетей — то есть анонимность, стайный инстинкт и открытость, высочайший уровень внутриобщинной сплоченности и синхронности действий — способна преодолеть отрицательные последствия «машинного эгоизма», свойственного техногенной ментальности.

Мы можем преодолеть отрицательные последствия работы суперкомпьютеров и их стремление контролировать все аспекты нашей жизни только с помощью радикально другой модели, которая будет создана не на основе машин, а на основе живых организмов и органических комплексов (Льюис Мамфорд. «Мир машины»).

1.2. Социоподобные сети

Это «эластичные» сети из разнокачественных элементов, достигающие устойчивости по отношению к «шумам» благодаря возможности формирования обратных связей между группировками элементов. Отрицательные обратные связи компенсируют вызванные возмущениями отклонения, возвращая сеть к ее исходному состоянию. Положительные обратные связи при благоприятных условиях делают сеть агрессивной, распространяя ее слои на соседние пространства-территории (как, скажем, например, в случае социальных сетей городов).

Эти качества хорошо проявлены в социоподобных сетях, где распространены как открытые, так и закрытые сообщества. Они напоминают так называемые большесемейные и соседские общины, имеющие четкие внутригрупповые функциональные иерархии и довольно слабую персонализацию, скорее похожую на ролевую биосоциальную игру. В современном обществе именно они формируют основную массу потребителей и пользователей социальных, торговых и производственных сетей гражданского общества, часто вовлекаются в различные сетевые протестные и гражданские движения (так называемые сети гражданского протеста).

1.3. Техноподобные сети

Это «квазицентралистические», нуклеоподобные сети, выигрывающие в борьбе за существование за счет высокой согласованности компонентов, достигаемой благодаря формированию общего коор-

динирующего центра — «ядра». Это высокоперсонализированные и индивидуализированные сети, с разветвленной системой рекрутирования и фильтрации, системой защиты своей закрытости и избирательности. Такая сеть может жертвовать «периферийными» элементами, отказываться от них, закрываясь от любой маргинальности. Но согласованность действий ее частей «оплачивается» тем, что при поражении единственного или множественного ядерного элемента вся сеть должна исчезнуть, если только не выработался особый механизм компенсации этой потери.

Эта группа тяготеет, с одной стороны, к формированию замкнутых «элитарных» сетевых сообществ, напоминающих сектообразные сообщества. С другой стороны — к формированию управляющих сетями платформ (шаперонов), не имея для этого достаточной выносливости в силу высокого группового и личностного эгоизма и не умея создавать открытые сетевые сообщества. В сетях этого типа доминируют малые общины и малые группы с весьма жесткой ориентацией на конкретные образцы, особенно образцы действий для подражания.

1.4. Сети-медиаторы

В современных сетях имеется прослойка сетевых медиаторов, осуществляющих внутри- и внесетевое посредничество и сетевую децентрализованную власть. За счет своей внутренней гибкости и переходности эти сети могут осуществлять влияние на все без исключения сетевые процессы, поддерживая сети в открытом состоянии. В сетях эти группы формируют — часто спонтанно — лидерские платформы, шапероны, выдвигаясь на эти социально значимые позиции благодаря своей феноменальной жертвенной выносливости. Кроме того, именно в этой среде стихийно возникают общины-братства, обладающие особой эмпатической сплоченностью, способные длительно удерживать внутригрупповые симбиотические отношения.

2. Сетевая ментальность

Общинный, квазисоциалистический настрой этой ментальности вдохновляется требованиями свободы, которые, однако, не означают претензии сети на власть. Сеть нуждается не во власти,

а в постоянном горизонтальном децентрализованном обмене, взаимности, непрерывной взаимосвязи. Ее жизненное кредо — стабильность и одновременно обновление, подвижность, гибкость, пластичность, в том числе пластичность властных структур в их отношениях с обществом.

Более того, сеть обнаруживает эту ментальность очень ярко, когда пытается приспособить себя к так называемым информационным революциям, резко раздвигающим рамки взаимодействия сообществ с себе подобными (исторически их насчитывают пять или шесть — от появления речи до распространения Интернета). В ходе такой приспособительной реакции на информационную революцию любая сеть неизбежно получает сильнейший толчок, заставляющий ее либо перейти к информационной экспансии и открытости, либо, наоборот, замкнуться и уйти в информационную самоизоляция.

В антропологической литературе есть комплексная теория культур перехода [15], четко показывающая именно такую поведенческую стратегию сети — борьба-бегство. В этой теории, разработанной полноценно В. Тэрнером [15], выявляются типичные проявления сетевых сообществ, обретающих внутри социокультурного перехода форму так называемой коммунитас, то есть общины открытого типа. Коммунитас (община) имеет сходство с «малыми» сетевыми сообществами (см. выше о природоподобных сетях), такими как малые народы, сообщества нищих и блаженных (сообществ маргиналов) и проч., и вырабатывает особую лиминально-переходную мораль. Это идейная основа «власти слабых», которая имеет огромную сакральную силу в обществе как таковом именно из-за ее сетевой экзистенциальной подвижности, жертвенности и незаметности.

Эта социальная идеология, точнее, социальная сетевая мифология сакрализует и утверждает власть переходности, маргинальности, которая четко прослеживается во всех сетевых явлениях, в том числе в явлениях современных сетей. Экзистенциальный протест и неприятие любого устойчивого статуса отличает сетевую ментальность очень ярко, придавая ей не просто мифологический, но глубоко иррациональный, бессознательный, инстинктивный оттенок. Разум в сети часто не приветствуется и отторгается как

неприемлемая идейная основа неподвижной структуры, как враждебный внешний Судия. Сеть нуждается в проповеди и притче, явно тяготея к самоотожествлению со странностью, спонтанностью, сочетанию героики и карнавальности.

Часть 2. Социальные взаимодействия сетей

1. Сети и иерархии

В последние годы мы стали свидетелями того, как сетевые структуры влияют на нашу жизнь. С помощью сетевых технологий совершаются цветные революции, боевая пехота Пентагона – «Аль-Каида» и ИГИЛ (организации, запрещенные в РФ) – типичные сетевые образования, Фейсбук формирует в Интернете сетевые сообщества по интересам и увлечениям, и таких практических примеров великое множество. Между тем сама теория сетевых структур развита достаточно слабо. А еще хуже обстоит дело с теорией взаимодействия сетевых и традиционных, иерархических систем.

В данном разделе мы рассмотрим, как соотносятся между собой сетевые и иерархические структуры.

Основные (базовые) свойства иерархий:

- управляемость;
- мобилизуемость;
- устойчивость;
- возможность прямой синхронизации между элементами.

Основные (базовые) свойства сетей:

- выживаемость;
- нацеленность на творчество;
- вариабельность;
- адаптивность.

Из базовых свойств сетей и иерархий следуют основные области применения этих структур. Когда необходимо быстро решить поставленную задачу с наименьшими затратами ресурсов, идеально подходят иерархические структуры. В случае, когда во главу угла ставится творчество, а также если главным является умение приспособливаться к меняющимся внешним факторам, надо использовать сетевые структуры.

Очень показательным является эксперимент, проведенный недавно в Оксфорде. Были сформированы две команды из 10 человек. Первая – по иерархическому принципу с главным менеджером, подчиненными ему тремя руководителями по направлениям и исполнителями. Вторая – по сетевому принципу, где не было единого руководителя, стоящего над всеми. Обеим командам поставили задачу – спроектировать дешевый домашний робот-уборщик. Результат эксперимента был вполне предсказуем: иерархия справилась с заданием за пять дней, в то время как сетевая команда не получила результата и через неделю.

В реальной жизни, однако, чисто сетевые или иерархические системы встречаются редко. Чаще всего мы видим своеобразный симбиоз или «слоеный пирог» из сетей и иерархий.

Рассмотрим это на двух примерах.

Пример 1. Мировая система распространения наркотических веществ на примере героина (рис. 3).

Выращивают опиумный мак крестьяне, объединенные в структуры наподобие русских общин или советских колхозов. Это типичная сетевая структура. Далее опиум-сырец попадает в банды, которые занимаются его транспортировкой до мест переработки в героин. Банды – иерархическая структура с жесткой дисциплиной и централизацией. Переработка опиума в героин происходит в небольших лабораториях, созданных по сетевому принципу. Далее героин попадает в руки более крупных ОПГ или наркосиндикатов. В их ведении находятся лаборатории, и основная задача синдикатов – организация транспортных потоков к местам непосредственного сбыта героина. ОПГ – еще одна иерархическая структура. Следующий этап – это распространение наркотика непосредственно среди потребителей. Распространение происходит с помощью сложной и разветвленной сетевой структуры. А контролирует весь процесс и является конечным бенефициаром всей системы крупная государственная структура с помощью опять же государственной разведывательной службы. Это снова иерархия, мы не станем ее называть по имени, но любой интересующийся читатель может легко найти сведения об этом в Интернете.

Рассмотрим этот пример с точки зрения базовых свойств сетей и иерархий.

Рис. 3. Схема производства и сбыта героина. Треугольником обозначены иерархические структуры, овалом – сетевые

Крестьянам выгодна совместная обработка маковых полей, требующих большого количества ручного труда. Здесь играют роль два фактора: во-первых, чтобы получить опиум-сырец, надо надрезать каждую маковую головку, дожидаться, когда выступивший сок засохнет, и аккуратно собрать его. Во-вторых, мак растет в горах и маковые поля расположены на разной высоте и по-разному сориентированы по сторонам света, поэтому крестья-

не убирают урожай по мере его созревания, переходя от поля к полю. Здесь используется такое свойство сетей, как **вариабельность**.

Опиумные караваны являются объектами нападений и требуют охраны и разведки, поэтому банды, сопровождающие их, имеют жесткую иерархию. В этом случае используется **устойчивость** иерархических структур.

Лаборатории по переработке являются одним из уязвимых мест всей цепочки, при этом не требуют серьезного оснащения и высококвалифицированного персонала (героин из опиума можно получить на кухне, при наличии соответствующих химических реактивов). Поэтому лаборатории дублируются и разносятся по территории. Здесь мы наблюдаем такое сетевое свойство, как **выживаемость**.

Основная задача синдикатов — это охрана запасов героина и распределение потоков его реализации. Тут мы видим базовое свойство иерархий — **управляемость**.

Сбыт героина осуществляется через широкую международную сеть реализации, так как справиться с противодействием целого спектра международных и национальных силовых органов может только сетевая структура. В этом случае используется **адаптивность** и **выживаемость** сетей.

Централизованное руководство осуществляет глобальное управление и обеспечивает защиту наркобизнеса на государственном уровне. Базовое свойство иерархий, используемое при этом, — **управляемость**.

Пример 2. Система мирового банкинга (рис. 4).

Основой современного мирового банкинга являются частные коммерческие банки, действующие на территории того или иного государства и подчиняющиеся соответствующему Центральному банку. Все Центральные банки, включая ЦБ Китая и ЕЦБ, в той или иной степени подконтрольны ФРС. Любой банк (частный или государственный) — это иерархическая структура. Таким образом, мы видим, что современный банкинг — это сообщество иерархий, но управляет им сетевая структура, стоящая за ФРС (рис. 4, а).

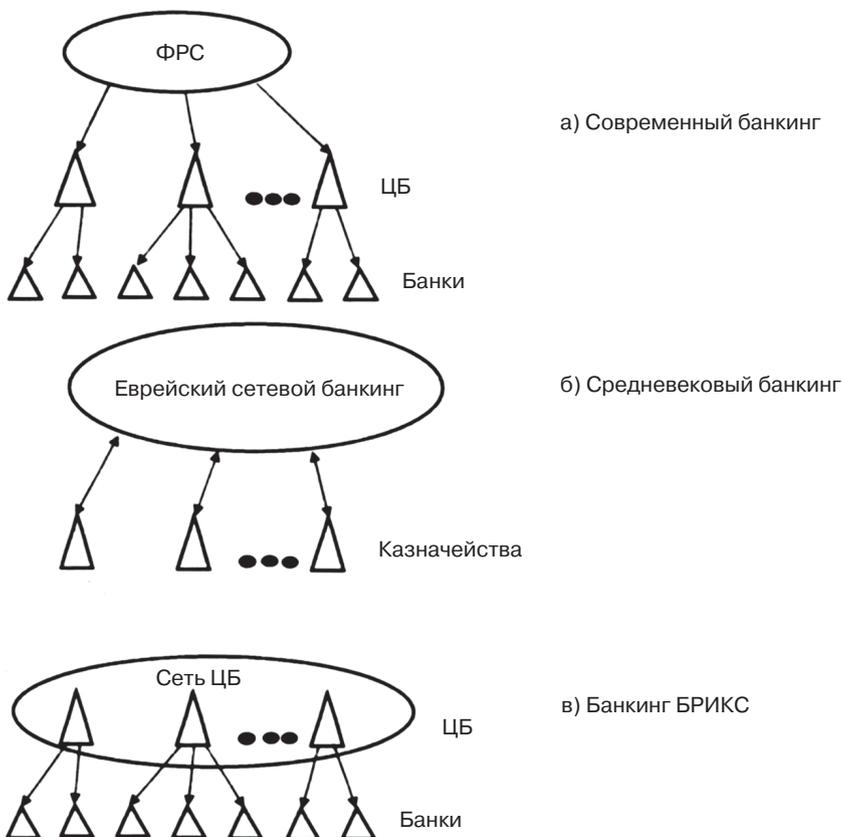

Рис. 4. Система мирового банкинга

Но так было не всегда. Начиная с раннего Средневековья и вплоть до XXVII–XXVIII веков европейский банкинг был сетевой структурой, существующей параллельно с государственными казначействами (монетными дворами). Так как господствующая на тот момент в Европе католическая религия запрещала ссудный процент, то ростовщичеством (банкингом) занималось еврейское сетевое сообщество (рис. 4, б). Тех, кто интересуется системой организации банковских трансакций, мы адресуем к знаменитому произведению Вальтера Скотта «Айвенго», в котором все очень подробно, с художественными подробностями, описано.

Было бы неправильно, с нашей точки зрения, не представить схему перспективного мирового банкинга, или, по-другому, банкинга

БРИКС (рис. 4, в). От современной структуры он отличается тем, что все ЦБ соединены в единую сетевую структуру без надстройки в виде ФРС. Такая система, на наш взгляд, более соответствует многополярному мироустройству, к которому идет человечество.

Рассмотрим второй пример с точки зрения базовых свойств сетей и иерархий.

1. Современный банкинг (рис. 4, а). Коммерческие банки и ЦБ. Любой банк — это коммерческая организация, и его главная задача — зарабатывать деньги для самого банка, поэтому структура исключительно иерархическая. Базовые свойства — **управляемость** и **синхронизация**.

Управляющая структура. Задача надбанковской структуры — руководить, оставаясь в тени. Здесь мы видим такие сетевые свойства, как **адаптивность** и **выживаемость**.

2. Средневековый банкинг (рис. 4, б). Основная задача казначейства — чеканка и распределение государственных денег. Этим должна заниматься жесткая иерархическая структура. Ее основное свойство — **управляемость**.

Еврейский сетевой банкинг. Основные занятия — ростовщичество, кредитование государств и элиты, перемещение денег в пределах Европейского континента и окрестностей. Используемые базовые сетевые свойства — **выживаемость** и **адаптивность**.

3. Банкинг БРИКС (рис. 4, в). Банки, включая ЦБ — иерархические структуры. Базовые свойства — **управляемость** и **синхронизация**.

Все ЦБ образуют сетевую структуру, задача которой — выстраивать гибкую схему взаимоотношений между финансовыми системами государств. При этом используются такие свойства сетей, как **вариабельность** и **адаптивность**.

Как видно из этих примеров, в реальной жизни сети и иерархии довольно тесно переплетены между собой. Если грамотно использовать их базовые свойства, то можно выстраивать довольно сложные сете-иерархические структуры, способные решать практически любые задачи.

Современную экономику можно четко разделить на два сегмента: крупный бизнес, где преобладают иерархические отношения,

и средний и малый бизнес, где доминируют сетевые структуры. В первом случае мы имеем высокую управляемость и синхронизацию. Во втором — выживаемость и адаптивность к постоянно меняющимся условиям.

2. Сети и цифровая экономика

Цифровая экономика дает России шанс вырваться в технологические лидеры. В аналоговой экономике основную роль играло массовое производство. Цифровая экономика запускает производство штучное, индивидуальное, то есть область, где Россия была всегда наиболее сильным игроком. Цифровые технологии позволяют раскрыть фантазии и талант русского умельца, который способен подковать блоху и сделать (придумать) нечто уникальное, существующее в единственном экземпляре. Сейчас, как никогда, открываются возможности для наших Кулибиных создавать полезный штучный продукт, который будет востребован обществом. А инструментом внедрения этого продукта в широкую практику будут сети. То есть изобрели братья Черепановы очередной паровоз, сделали его и выложили в сеть весь процесс создания. А дальше умельцы по всей стране не просто начнут производить такие же паровозы, но каждый внесет в его конструкцию что-то новое, уникальное. Таким образом, через короткое время вся страна и мир начнут ездить на этих паровозах.

Преимущества России в цифровой экономике:

1. Индивидуальное, штучное производство.
2. Приоритет творчества над желанием заработать.
3. Правда и справедливость как национальная идея.
4. Сетевая, общинная структура российского социума. Приоритет горизонтальных связей и взаимовыручки над конкуренцией.

Придумав что-то, русский человек думает о том, как его изобретение сделает людей счастливыми, а не о том, сколько он на этом заработает. То есть российский императив — не заработок, а общее благо.

Все это самоорганизуется, когда цифровая экономика даст людям свободу от добывания «хлеба насущного» и каждый человек получит свободный доступ к ресурсам.

3. Цифровая экономика и капитализм

В чем основное противоречие капитализма? Оно состоит в противоречии между интересами банков и общества.

Для того чтобы паразитировать на обществе, банки создают условия (путем контроля над ссудным процентом), при которых и предприятия, и домохозяйства, испытывая дефицит денежных средств, вынуждены обращаться за кредитами. Это противоречие сопровождает капитализм на всех его стадиях, только в постиндустриальном обществе оно носит глобальный характер, когда закредитованность общества становится абсолютной и дети расплачиваются за кредиты, взятые их родителями, а объем заимствований большинства предприятий (включая обязательства по ценным бумагам) многократно превышает стоимость их активов. Это «родовое» противоречие капитализма, поэтому преодолеть его в рамках капиталистического общества невозможно.

Помимо этого, в индустриальном (а, как выяснилось, и в постиндустриальном) обществе возникает противоречие между массовым производством и индивидуальным потреблением. Это противоречие сгубило социализм, и оно же делает капитализм крайне неэффективным обществом с точки зрения потребления ресурсов.

Однако это последнее противоречие может быть преодолено в рамках цифровой экономики, когда производство возвращается к доиндустриальным формам и носит индивидуальный характер.

4. Сети как механизм замены мировой и национальной элиты

Благодаря информационным технологиям и непрерывным революционным прорывам сеть становится всеобщим, всемирным переходным явлением, фактически новой общественной стихийной реальностью в мире. Смысл сети при этом как был, так и остается прежним: создавая состояние вакуума, сеть настойчиво ищет собственную сетевую культуру, элитарный каркас сообщества, который обозначается в литературе как социально-ценностный матрикс.

Вышедшая наружу любая сеть несет с собой так называемый пустотный смысловой запрос, она провоцирует появление усложненной реальности, новых общественных явлений, новых общественных слоев, общин, квазисемей, квазидвижений, размывающих

прежние жесткие социальные формы классов, страт и сословий. Реагируя на сетевую ментальность, общество все более ощущает себя размытым, оно все более нуждается в новых посредниках-лидерах, скрепляющих хаос и пустоту, в том числе пустоту между господствующими иерархическими структурами и самой сетью. Таким образом, сети порождают новые, сетевые отношения и новых лидеров. Сначала лидерство проявляется в сетевой, виртуальной среде, затем оно выходит за пределы сетевого сообщества. Более того, эти новые лидеры востребованы как со стороны самой сети, так и со стороны властной иерархии, которая нуждается в их помощи для коммуникации с сетевым сообществом.

На первых порах власть пестует и всячески поощряет таких лидеров, надеясь с их помощью управлять сетями. Но через определенное время, когда популярность сетевых лидеров становится довольно высокой, «хвост начинает вилять собакой», то есть они выходят из-под контроля и становятся самостоятельными игроками.

В очень скором времени сеть начнет переформатировать общество, а затем и государство. Будет сформирована новая элита как на национальном, так и на мировом уровне. Ниже представлен каркасный ценностный код, присущий новой элите, которая выполняет следующие функции:

- 1) коммуникатора между различными гранями иерархии и сети, наладчика непрерывного диалога, приводящего к согласию между ними, с формированием новой элитарной страты посредников (медиаторов);
- 2) источника общественной целостности, социальной уравнительности разного рода; с формированием харизматичных лидеров новой формации;
- 3) морально-нравственного каркаса общества, с формированием элитариев – «совести нации»;
- 4) стимулятора резкого роста востребованности новой страты глашатаев собственной самобытной культуры, в том числе носителей ценностей так называемой «малой родины»;
- 5) хранителя памяти о героических жертвенных подвигах героев-освободителей, первооткрывателей и первопроходцев в условиях резкого роста потребности общества в подлинной и искренней их героизации;

- 6) собирателя героического опыта и создателя героического пассионарного мифа, как связанного с «кровью и почвой», так и универсального, с формированием новой элиты пассионариев;
- 7) мудрого источника гармонии, равновесия, осознания, с формированием новой элиты мудрой власти;
- 8) стихийного наладчика инстинктивного доверия, веры – в сети и в обществе в целом – с формированием новой элиты межсословного общественного доверия;
- 9) источника осмысленной воли, свободы, не отделенной от ответственности, с формированием новой подлинной либеральной элиты (в отличие от либертарианской), являющейся носителем изначальных ценностей Свободы, Равенства, Братства и Ответственности;
- 10) источника смысла и доверия судьбе и Божественному (Высшему Духовному) Промыслу, с формированием новых духовных лидеров и нового старчества.